УДК 82+821.161.1

ББК 83+83.3(2=411.2)

DOI 10.22455/2619-0311-2019-4-133-139

Виктория Федорова

**Невесты князя Мышкина
в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»**

Victoria Fedorova

**Prince Myshkin's Brides
in F.M. Dostoevsky's Novel *The Idiot***

Об авторе: Виктория Михайловна Федорова, ученица 11 класса МАОУ СОШ посёлка Пола Новгородской области.

E-mail: miss.fyodorowa2013@yandex.ru

Аннотация: Работа посвящена анализу образа невест в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». Анализируется как само слово «невеста», так и его значение в романе. Прослеживаются пути героинь – Аглаи Ивановны и Настасьи Филипповны – к этому статусу. Ищется объяснение того, почему ни одна из невест князя Мышкина так и не стала его женой. Выдвигается гипотеза о том, что ни одна из героинь не могла стать женой князя. Трагедия Настасьи Филипповны заключается в том, что князь оказался не Христом. Аглая же не смогла понять, как любить, не отделяясь от всех.

Ключевые слова: Достоевский, невеста, Мышкин, Епанчина, Барашкова, Христос, дева.

Для цитирования: Федорова В.М. Невесты князя Мышкина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 4(8). С. 133-139

DOI 10.22455/2619-0311-2019-4-133-139

About the author: Victoria M. Fedorova, 11th grade student (Pola, Novgorod region).

E-mail: miss.fyodorowa2013@yandex.ru

Abstract: The article examines the figures of the two brides in F.M. Dostoevsky's novel *The Idiot*. It considers the word "bride" and its meaning in the novel and traces

the paths of the female protagonists – Aglaya Ivanovna and Nastasya Filippovna – towards this status. It tries to explain why no one of Prince Myskin's brides became his wife and suggests a hypothesis why no one of them could be his spouse. Nastasya Filippovna's tragedy was that the Prince was not Christ, while Aglaya could not understand how to love without separating themselves from all.

Key words: Dostoevsky, bride, Myshkin, Epanchina, Barashkova, Christ, maiden.

For citation: Fedorova V.M. Prince Myshkin's Brides in F.M. Dostoevsky's Novel *The Idiot*. *Dostoevsky and World Culture*, Philological journal, 2019, No 4(8), pp. 133-139

DOI 10.22455/2619-0311-2019-4-133-139

Слово «невеста» от старославянского *нѣвьста* – *не* и *вѣдать*, то есть «неизвестная», «незнакомая». Есть предположение, что это название пошло с тех времен, когда родители сами выбирали вторые половинки своим детям, поэтому жених и невеста могли увидеть друг друга только на свадьбе, и, следовательно, невеста – невесть кто, невесть откуда. Существуют и другие версии. Одна из них заключается в том, что неизвестность, неизведанность, которые явно читаются в этом слове, означают девушку, «не изведавшую», «не ведающую». В этом значении «невеста» – милое чистое создание. Поэтому она вступает в брак в белом платье непорочности, она ничего не знает и «не ведает» о замужней жизни, у нее нет опыта.

«Невестами» также часто начинали называть девушек, которые достигали брачного возраста. Преобразование социального статуса невесты символически осмыслялось как смерть в прежнем качестве и рождение в новом. Неофициально девушка считается невестой с момента согласия на предложение руки и сердца, а официально – с момента обручения.

На протяжении всего романа Достоевский показывает нам двух невест Льва Николаевича Мышкина – это Настасья Филипповна Барашкова и Аглая Ивановна Епанчина. Самое интересное заключается в том, что ни одной из девушек князь не сделал предложение самостоятельно. Настасья Филипповна становится невестой князя после провоцирующей фразы:

– Фердыщенко, может быть, не возьмет, Настасья Филипповна, я человек откровенный, – перебил Фердыщенко, – зато князь возьмет! Вы вот сидите да плачетесь, а вы взгляните-ка на князя! Я уж давно наблюдаю...

Настасья Филипповна с любопытством обернулась к князю.

– Правда? – спросила она.

– Правда, – прошептал князь

– Возьмете, как есть, без ничего!

– Возьму, Настасья Филипповна... [Достоевский, 1972-1990, т. 8, с. 138]

Аглая Ивановна сама практически провоцирует князя сделать предложение:

– Позвольте наконец узнать от вас самого и лично: сватаетесь вы за меня или нет?

– Ах, Господи! – вырвалось у Лизаветы Прокофьевны.

Князь вздрогнул и отшатнулся; Иван Федорович остолбенел; сестры нахмурились.

– Не лгите, князь, говорите правду. Из-за вас меня преследуют странными допросами; имеют же эти допросы какое-нибудь основание? Ну!

– Я за вас не сватался, Аглая Ивановна, – проговорил князь, вдруг оживляясь, – но... вы знаете сами, как я люблю вас и верю в вас... даже теперь...

– Я вас спрашивала: просите вы моей руки или нет?

– Прошу, – замирая ответил князь [Достоевский, 1972-1990, т. 8, с. 426].

Параллельность этих сцен нельзя не увидеть, но также нельзя и не обратить внимания на реакцию князя в обоих случаях. В случае с Настасьей Филипповной князь без колебаний ответил, что он возьмет её замуж; Аглае же он говорит, что он не сватался за неё, но несмотря на это он её любит. Но почему же ни одна из них так и не стала его женой?

Возникает ощущение, что они и НЕ МОГЛИ стать женами князя. Из черновых тетрадей Достоевского мы видим, что он очень много думал, как раскрыть образ главного героя. Но как бы автор не всматривался в его лицо, князь продолжал быть для него загадкой.

У него мелькает мысль: а, может быть, загадочность и есть «природа» князя? Может быть, его не надо разгадывать? «Не вести ли лицо князя *по всему роману* загадочно, изредка определяя подробности (фантастичнее и вопросительнее, возбуждая любопытство), и вдруг разъяснить лицо его в конце?». «А не выставить ли князя беспрерывным сфинксом? *NB князя Сфинксом*». Однако Достоевский решает вернуться к старому плану: князь – дитя, и окружен детьми. Автор продумывает эту идею до конца. На одной странице черновой тетради мы читаем слова: «Смиранный игумен Зосима. Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст; Евангелие Иоанна Богослова». И после них крупными буквами написано: «*NB. Князь Христос*». После этого Достоевский начинает задумываться, как передать образ Христа в князе, он делает несколько заметок: «Теория практического христианства». «О вере. Испытание Христа. Сострадание – все христианство». «Князь все прощает». «Любовь христианская – князь». «Считает себя ниже и хуже всех. Мысли окружающих видит насквозь». «Окончательно всегда готов винить себя». И, наконец, важная запись: «*Смирение – самая страшная сила, которая только может на свете быть!*» [цит. по: Мочульский, с. 189]. В конечной редакции «божественность» князя исчезает, и его образ развивается в трёх направлениях: невинность, загадочность, святость. Мы видим, что Достоевский вкладывает в образ князя что-то из каждой своей идеи. Действительно, на первых страницах романа перед нами предстаёт загадочный человек, который **в каждом видит равного** (при первом своём посещении дома генерала Епанчина он отказывается пройти в приемную и остается в маленькой передней с кабинетным прислужником), невинен («– А до женского пола вы, князь, охотник большой? Сказывайте раньше!» «– Я, н-н-нет! Я ведь... Вы, может быть, не знаете, я ведь по прирожденной болезни моей даже совсем женщин не знаю» [Достоевский, 1972-1990, т. 8, с. 14]), проницателен (моментально угадывает особенности характеров генеральши Епанчиной и её дочерей).

Как заметила в своей статье «Что если Он – не Бог?» Татьяна Александровна Касаткина, перед нами предстает практически образ Христа, но затем всё высшее, что было в князе, исчезает под напором его окружения: «Он предчувствовал, что если только останется здесь хоть ещё на несколько дней, то непременно втянется в этот мир безвозвратно, и этот же мир и выпадет ему впредь на долю» [Касаткина, 2003, с. 19].

На протяжении всего романа Настасья Филипповна три раза убегает от князя. Первый раз это происходит во время ужина Настасьи Филипповны, устроенного ею в честь своего дня рождения; именно в этот вечер она поняла, что князь является тем человеком, о котором она мечтала, живя в деревне, и именно в этот вечер она убедилась, что не имеет права погубить этого человека. Последними словами, которые она сказала Мышкину, были: «Прощай, князь, в первый раз человека видела!» [Достоевский, 1972-1990, т. 8, с. 148]. После этого ужина она уехала в Москву с Рогожиным, от которого потом тоже убегала. Во второй раз она убегает от Мышкина уже в Москве после того, как попросила его спасти себя от Рогожина. В третий раз Настасья Филипповна убегает от князя в день свадьбы. Она бросается в толпу, в которой стоит Рогожин, и уезжает с ним. Но чем же продиктованы все эти поступки Настасьи Филипповны? Вначале героиня считает себя бесстыдницей и падшей женщиной из-за того, что с ней сделал Тоцкий, она абсолютно уверена, что ее нельзя полюбить, Барашкова боится, что ее возненавидит единственный человек, который увидел в ней что-то большее, чем красоту или деньги Тоцкого, поэтому она убегает. Во всём этом есть и более глубокая сторона. Князь рассказывает Рогожину о бегстве Настасьи Филипповны в Москве: «В первый раз *она* сама ко мне бросилась, чуть не из-под венца, прося “спасти” ее от тебя...» [Достоевский, 1972-1990, т. 8, с. 173], затем Настасья Филипповна убегает от князя к Рогожину тоже из-под венца со словами: «– Спаси меня! Увези меня! Куда хочешь, сейчас!» [Достоевский, 1972-1990, т. 8, с. 493]. Это может быть связано с тем, что Настасья Филипповна видит в князе тот свет, к которому она стремилась всю свою жизнь. На мгновение она верит в то, что именно этот человек сможет воскресить её, но лишь на мгновение, так как Мышкин оказывается **не тем**.

Поэтому Настасья Филипповна принимает единственное решение, которое поможет ей освободиться. Она знает, что погибнет, если останется с Рогожиным, но решается на это, так как чувствует себя жертвой, а жертва не станет священной, если её не убить. Более того, само жертвоприношение, по словам В.Н. Топорова, есть «делание святости» [Топоров, 2004, с. 516]. И, исходя из этого, можно предположить, что Настасья Филипповна хотела перейти в другую форму – духовную, так как её земная форма была осквернена.

На протяжении всего романа она несколько раз меняет своё решение, так как боится «этакого-то младенца сгубить» [Достоевский,

1972-1990, т. 8, с. 142], как она говорит о князе. Ещё во время первой встречи с Львом Николаевичем Настасья Филипповна говорит ему, что ему нужна Аглая Ивановна. Настасья Филипповна видит в ней себя, только чистую и невинную: «Вы невинны, и в вашей невинности всё совершенство ваше» [Достоевский, 1972-1990, т. 8, с. 380] пишет она в своих письмах к сопернице и потому пытается свести Аглаю с князем, но во время встречи с Аглаей Настасья Филипповна понимает, что ошибалась: на её призыв соединиться Аглая отвечает почти с ненавистью:

– Я хотела от вас узнать, – твердо и раздельно произнесла она, – по какому праву вы вмешиваетесь в его чувства ко мне? По какому праву вы осмелились ко мне писать письма? По какому праву вы заявляете поминутно, ему и мне, что вы его любите, после того как сами же его кинули и от него с такою обидой и... позором убежали?

– Я не заявляла ни ему, ни вам, что его люблю, – с усилием выговорила Настасья Филипповна, – и... вы правы, я от него убежала... – прибавила она едва слышно.

– Как не заявляли «ни ему, ни мне»? – вскричала Аглая. – А письма-то ваши? Кто вас просил нас сватать и меня уговаривать идти за него? Разве это не заявление? **Зачем вы к нам напрашиваетесь?** [Достоевский, 1972-1990, т. 8, с. 472]

Эта фраза становится роковой. Надежда Настасьи Филипповны на соединение и возрождение рушится именно в этот момент.

Ситуация с невестами князя Мышкина напоминает нам притчу о десяти девах, когда пять мудрых и пять неразумных дев вышли навстречу жениху, и мы видим, что мудрые девы были готовы к встрече с ним, а неразумные нет (Мф. 25:1-13). В Евангелии женихом зовётся сам Христос. Странная ситуация в романе: Настасья Филипповна (мудрая дева) готова к встрече с женихом, а Аглая (неразумная дева) нет.

Список литературы

1. Достоевский, 1972-1990 – *Достоевский* Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: «Наука», 1972-1990.
2. Касаткина, 2003 – *Касаткина* Т.А. Что если Он – не Бог? // Ф.М. Достоевский. Собр. соч.: в 9т. М.: АСТ, 2003. Т. 4. С. 8-29.
3. Мочульский – *Мочульский* К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=314103&p=189> (дата обращения: 01.08.2019)
4. Топоров. 2004 – *Топоров* Н.В. Исследования по этимологии и семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. 816 с.

References

1. Dostoevskii F.M. *Poln. sobr. soch.: v 30-ti t.* [Complete works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972-1990. (In Russ.)
2. Kasatkina T.A. Chto esli On – ne Bog? [What if He is not God?]. F.M. Dostoevskii. *Sobr. soch.: v 9t.* [Works: in 9 vols.]. Moscow, AST Publ., 2003, vol. 4, pp. 8-29. (In Russ.)
3. Mochul'skii K.V. *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskii* [Gogol'. Solovyev. Dostoevsky]. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=314103&p=189> (access date: 01.08.2019) (In Russ.)
4. Toporov N.V. *Issledovanija po etimologii i semantike* [Researches on etymology and semantics]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2004. Vol. 1. 816 p. (In Russ.)